

**БИОГРАФИЧЕСКАЯ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1917–1991 гг.).
Справочное пособие. М.: “У Никитских ворот”, 2010, 787 с.**

Современные представления об истории изошрены в своем философском ее понимании, причудливо изгибаясь перед каждым новомодным толкованием ее объекта и предмета. Марксизм заговорил о формациях, как объекте истории и классах, как ее предмете. Или наоборот, что не имеет ровно никакого значения. Потом мировые цивилизации стали объектом, а народы и государства, принадлежащие к той или иной из них, – предметом истории. Затем, или одновременно с этим, возникла теория повседневности истории, где объектом стала среда бытования человека, и, слава Богу, наконец-то, предметом он сам в этой среде. Среди сегодняшних теорий объектом объявляется “исторический процесс”, а предметом, как можно понять, “человеческое мышление”. Или в другой формулировке с оставлением прежней сути: “История возможна и перспективна как наука, чьим предметом остаются возможности и пределы человеческого мышления, а эмпирическим объектом является совокупность созданных человеческим мышлением продуктов интеллектуальной деятельности”¹. Конечно, ГУЛАГ, например, это тоже продукт деятельности людей безусловно. Но кто скажет, как при таком подходе к истории можно показать страдания его обитателей? И где же человек, конкретный, реально живший, создававший свои “продукты”, которые подчас безжалостно уничтожаются? Где пахарь, вырастивший хлеб, где воин, защитивший страну, где мятущийся наш соотечественник, выбиравший в 1921 г. свой жизненный путь то ли в эмиграцию, то ли в страну побеждавшего большевизма.

Все перепутано и запутано, все помещено или даже заключено в ледяной панцырь словесных, пусть даже и “интеллектуальных продуктов”, потрeбить которые не то чтобы обычному, но и образованному человеку, невозможно или достается с огромным трудом.

Тут, мне кажется, историческое знание стремительно приближается к теологии, даже нет, скорее оно становится одним из ответвлений гуманитарной уфологии. Но и страшно отказаться от “потребления” этого уфологического гуманитарного знания, чтобы не прослыть ретроградом, а то и просто невеждой.

“Гуманитарная уфология” вместе с “гуманитарной исторической политологией” торжествуют вовсю в нашем современном российском мире и в разъяснении его истории. Эдакие словесные упражнения, претендующие на “кубик Рубика”, но на самом деле близко не стоящие к его волшебной и абсолютной при желании всем открывающейся во внешней сложности простоте и, наоборот, во внешней простоте обнаруживающей подчас невообразимую сложность.

Тут надо сохранять силу духа, чтобы оставаться оппонентом старых и новомодных учений об истории, подкрепляемых в наши дни немалыми финансовыми вливаниями и административными ресурсами, призванными капитализировать историческое знание, устранив из прошлого человека и, вместо марксистского его обезличивания в классовом клестере, обезличить его в клестере внеморальном, вневременном, создаваемом только экономическими условиями и невообразимо разнообразными интересами разных сил, внеморальность и вневременность успешно внедривших в общественное сознание как вещи естественные, которые и в прошлом и теперь лишь подсознательно в своих рассуждениях подразумевали, но никогда не допускали в них в качестве главного объекта – человека, а предмета – его судьбу, вернее, его жизнь в реальных исторических условиях, продиктованных ему и в им же самым создаваемых обстоятельствах.

Итак, человек как объект истории и доставшийся ему, существующие и создаваемые им самим обстоятельства его жизнедеятельности как предмет истории – это и есть история. Речь не идет об истории тысячелетней давности, в которой из-за

¹ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. с. 45.

малости документальных свидетельств, человека почти нет. Речь идет об истории человека по крайней мере двух последних столетий – вполне предметно задокументированных, а потому реконструируемых. А документирование жизнедеятельности человека советской эпохи – вообще явление любопытнейшее.

Это явление и раскрывает рецензируемая книга. Она является продолжением аналогичного справочного пособия о генеалогической информации в архивах России досоветского периода². Она заслуживает того, чтобы, во-первых, оценить ее значение как справочного пособия – путеводителя по документированной биографической и генеалогической информации о судьбах людей советской эпохи, и, во-вторых, поразмышлять о самом феномене документирования человеческой жизнедеятельности как явлении цивилизационном и специфическом в определенных измерениях для советского времени.

Уже названия документов, в которых отразилась биографическая и генеалогическая информация, т.е. информация о человеке или его семье, роде, звучат отголоском важнейших событий и явлений советской истории: “Акт о национализации имущества”, “Анкета для лица, обращающегося за помощью к органам помощи голодающим”, “Карточка ребенка, эвакуированного из голодающей местности”, “Анкета выдвигенца”, “Карточка для учета лишенца”, “Протокол опроса по отправлению турецкого подданного”, “Анкета лица, ходатайствующего о восстановлении в правах гражданства”, “Анкета кулака”, “Книга учета трудодней колхозников”, “Эшелонный список переселенцев”, “Боевая характеристика партизана”, “Извещение о гибели (смерти) военнослужащего”, “Акт о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, “Книга трудовой славы комсомольской организации”, “Комсомольская путевка” и т.д. Названия документов, как правило, абсолютно точно отражают их функциональное предназначение, а видовой состав подчас детализируется до невероятной глубины – например, разновидностей актов насчитывается 36, анкет – 98, протоколов – 50, свидетельств – 14, учетных карточек – 39, справок – 42, карточек – 43 и т.д.

В этом море видов и разновидностей документов, фиксировавших многообразные отношения между людьми и человеком и го-

сударством в советскую эпоху, разобраться было непросто. Авторы книги по существу дают первую в нашей литературе классификацию документов, содержащих документальную информацию биографического и генеалогического характера, выделяя 11 классов документов: гражданского состояния, образования, служебно-трудовых и связанных с ними иных отношений, например, пенсионного обеспечения, гражданства, паспортизации и регистрации населения, учета отдельных групп населения, нотариальных действий, медицинской и социальной помощи, опекуна, патронирования, усыновления, уголовно-процессуальных действий, политических репрессий, общественно-политической деятельности. В главе, посвященной характеристике каждого из этих документальных комплексов, подробно рассматриваются правовая база их введения и функционирования, складывания в определенные документальные системы. Здесь же продолжена более детальная классификация документов биографо-генеалогического характера: организационно распорядительные вышестоящих учреждений, составленные непосредственно в самом учреждении (документы официального происхождения на одно лицо и не включенные в личное дело, документы личного происхождения, не включенные в состав личного дела, учетные документы, финансовые документы, личные дела, личные документы). Тем самым читатель получает исчерпывающее представление не только о системах и подсистемах документирования отношений между людьми и людьми и государством в советское время, но и основных видовых документальных комплексах, зафиксировавших эти отношения. При этом время постоянно корректировало не только видовой состав биографо-генеалогических документов, но и формуляр их традиционно существующих видов. Вот, например, хорошо известная всем анкета, фиксирующая биографические данные о человеке и сведения о его трудовой деятельности. Анкета 20–30-х годов требует сообщить о религиозных взглядах, партийных симпатиях, трудовой деятельности до революций, участии в Гражданской войне и т.д., а анкета 1940–1960-х годов придирчива к пленению, интернированию, проживанию на оккупированной территории во время Великой Отечественной войны, родных и близких, проживающих за границей. А личное дело – вообще компендиум из самых неожиданных документов, в 20–30-х годах XX в. нередко печальных для лица, на которое оно заводилось.

² Генеалогическая информация в государственных архивах России: Справочное пособие. – М., 2004.

Другая глава представляет собой полезный навигатор по поиску определенных видов и разновидностей биографических и генеалогических документов в архивах России, рассчитанный на широкий круг пользователей.

Однако главная ценность книги – алфавитный список 1315 видов и разновидностей документов и дел биографо-генеалогического характера с детальным рассмотрением содержания, места составления и времени бытования каждого из них. По существу этот список, а вернее, указатель является своеобразным “паспортом” документов с лаконичной и емкой характеристикой их типового содержания. Тем самым исследователи и более широкий круг пользователей получают возможность понять, в каких документах можно отыскать только биографическую, в каких – генеалогическую и в каких биографическую и генеалогическую информацию, причем, четко привязанную ко времени ее бытования.

Книга содержит и еще один важнейший пласт информации, связанный с тем, кто являлся автором каждого вида и разновидности биографо-генеалогических документов. Заполнение каждого из них – лично самим человеком, с судьбами которого он связан, или чиновником в силу его служебных обязанностей – это то грустная песня, то суровый набат, то гордая мечта. Жизнь так и струится в этих тысячных видах и разновидностях документов переливами, надеждами и надломами человеческих судеб, а документ словно зеркало их отражает, но в отличие от зеркала фиксирует навсегда.

В чем смысл рецензируемой книги? Вне всякого сомнения это добротнейший справочник по огромному морю документов персональной информации о людях ушедшего в прошлое государства под названием СССР. Информации часто очень деликатной, а нередко и трагичной, порой пока недоступной, неактивированной в соответствии с российским законодательством, со сложным порядком доступа, что не раз подчеркивают авторы. Но рано или поздно обязательно востребованной. В исследовательском отношении эта информация не равноценна и по составу включающих ее документов и по их объемам в разных архивах страны. Об этом стоило бы порассуждать особо, но жанр рецензии заставляет отложить эти рассуждения для других случаев. Однако разветвленность систем документирования человеческой жизнедеятельности в советскую эпоху позволяет утверждать, что свидетельства практически о каждом жившем в то время челове-

ке, а часто и о его генеалогии на уровне двух предшествующих ему поколений, можно найти в архивных документах. Биографо-генеалогические документы – их разные виды и разновидности – сопровождали советского человека всю жизнь, начиная от радостного свидетельства о рождении и кончая печальным свидетельством о смерти. А между этими документами сотни других, которые непрерывной цепочкой тянулись за ним и теперь в ряде своих видов и разновидностей остаются самым памятливым, вечным свидетельством о его бытии на нашей Земле.

Документирование человеческой жизнедеятельности в новое и новейшее время – вещь неизбежная, а потому и обязательная. Споры о его пределах будут бесконечными, потому что любое государство чувствует себя комфортнее различая человека в людях, тогда как любой человек сам для себя стремится определить степень публичности своего “я”. И в современном мире число документов, которых мы можем отнести прямо или косвенно к биографо-генеалогическим не уменьшается, а увеличивается, начиная от традиционной анкеты и кончая социальной картой москвича или налоговой декларации. Но в каждый переживаемый государством и обществом период истории это документирование имеет свои особенности. Уже упоминавшееся выше аналогичное пособие о документировании жизнедеятельности человека в досоветской России упоминает около 200 видов и разновидностей документов с отчетливо выраженной сословной составляющей. Рецензируемая книга демонстрирует репрессивный характер советского государства по отношению к своим гражданам – 16,1% всех видов и разновидностей биографо-генеалогических документов так или иначе связаны с карательной политикой советской власти.

Книга – замечательное свидетельство о советской эпохе и жизни в ней советского человека, которого государство начало замечать только едва ли не с 1974 г. – года принятия советской конституции, когда, например, советскому крестьянству было возвращено официальное право на паспорта. Одновременно это и ценный путеводитель по документам биографо-генеалогического характера, удовлетворяющий запросы широкого круга пользователей, интересующихся судьбами своих предков.

В.П. Козлов,
член-корреспондент РАН,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета